

О ХАРАКТЕРЕ ВОЛНЕНИЙ МАСТЕРОВЫХ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

П. А. ВАГИНА

После окончания Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева формы сопротивления крестьян и заводских людей Урала стали несколько изменяться. И заводские люди и крестьяне боролись против крепостнических отношений, однако в специфических для каждой заводской прослойки вопросах их интересы расходились: в это время уже начался процесс социального отделения мастеровых и работных людей заводов от крестьянства, заводского города или заводского поселка — от деревни¹.

Как известно, в 50—60-х годах XVIII в. волнения приписных крестьян еще трудно отделить от волнений мастеровых, да и требования мастеровых, особенно на новых заводах, где они были недавно обращены в это состояние, за редким исключением не отличались от требований приписных. В челобитных 50—60-х годов на первом плане стояло требование освободить от заводских работ как тех приписных, которые ежегодно партиями должны были приходить на заводы для отработки подушной подати, так и приписных, переселенных к заводам на постоянное жительство. И те и другие указывали, что они не «собственные купленные крепостные», а свободные государственные крестьяне и протестовали против незаконного порабощения их заводчиками.

Мастеровые из переселенных приписных в челобитных жаловались на насильственное переселение, выдвигали требования возврата в прежние места. Они еще не задумывались над возможностями установления более сносных условий для жизни и работы на заводах, желая вообще освободиться от заводской работы². Лишь на отдельных ранее построенных заводах, где в течение длительного времени сформировались кадры постоянно занятых мастеровых, у них уже в 60-х годах появились свои требования, отличные от требований приписных крестьян³.

Совсем иную картину мы наблюдаем в последней четверти XVIII в., когда повсеместно четко различаются требования приписных крестьян, живших в селах, и мастеровых. А в требованиях мастеровых не осталось и следа от противопоставления поселенных приписных (ныне мастеровых) и собственных купленных крестьян. И те и другие чувствовали себя в одинаковой степени мастеровыми и работными людьми. Все они стали выступать с чисто заводскими, профессиональными требованиями, в числе которых уже не фигурирует освобождение от заводских работ. После Крестьянской войны 1773—1775 гг. начался новый этап в генезисе рабочего класса Урала.

* * *

Вопрос о приписных и после Крестьянской войны 1773—1775 гг. оставался на мертвой точке. Несмотря на то, что по манифесту 1779 г.⁴

¹ См., напр., Государственный архив Свердловской области (далее: ГАСО), ф. 24, оп. 1, д. 2819, лл. 60б. и 140б. См. также «Описания заводов хребта Уральского, составленные Пермским Берг-инспектором П. Е. Томиловым в 1807—1809 гг.» «Горно-заводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX веков», Свердловск, 1956, стр. 186, 243, 247, 254, 255, 257, 260, 268, 275, 277.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, СПб., 1901; В. Н. Бернадский. Движение приписных крестьян в 50—70-х годах XVIII в. «Вопросы истории», 1953, № 8; П. А. Вагина. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50—60-х годах XVIII века. «УЗ Свердловского гос. пед. ин-та», 1955.

³ См. Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., М.—Л., 1949, стр. 381—382.

⁴ ПСЗ, т. XX, № 14878, стр. 822—823.

приписным была удвоена оплата труда, несколько регламентированы сроки работы и нормы выработки, существенной перемены в их положении не произошло. Основное требование приписных — освободить их от заводских работ — не было удовлетворено. Поэтому волнения не прекращались и после обнародования манифеста 1779 г.⁵ Формы борьбы приписных оставались прежними. Чаще всего они отказывались являться на заводские работы, невзирая на строгие указы и принуждения как со стороны местных властей, так и военных команд. Так, например, в 1798 г. Шуралинская заводская контора доносила в главное Верх-Исетское заводское правление, в ведении которого находился завод, что государственные крестьяне деревни Федьковки отказались вывозить из куреней уголь⁶. Приписные Авзяно-Петровского завода Губина в 1796—1800 гг. упорно не являлись на рубку дров и возку угля⁷. Такое же положение было на ряде других заводов. Так, в рапорте от февраля 1799 г. Кагинская заводская контора Ив. Демидова писала, что приписные «расположенные к рубке дров на сей 1799 год не явились»⁸. Под влиянием угроз со стороны горного начальства часть приписных деревень выслала крестьян в заводские работы, но крестьяне села Данилова (Сарапульской округи) так и не явились. Канцелярия главного заводов правления не решилась применить к ним силу. Указом от 7 февраля 1799 г. она предписала «нанять на счет тех волостей вольных из заводских мастеровых или других посторонних возчиков, какою только можно ценою будет»⁹. Нужно думать, что крестьяне села Данилова как более зажиточные предпочли уплатить ту сумму, которую затратит завод на наем «вольных» людей, чем лично работать по нарядам. Любые конфликты между приписными и заводской администрацией сводились к требованиям уменьшения срока принудительной работы на заводах¹⁰. Невыполнение приписными крестьянами работ нарушало ритмичный заводской процесс.

Правительство не находило выхода из создавшегося положения, и уже при Павле встал вопрос о реформе института приписных. В ноябре 1798 г. правительство запросило у заводов сведения о положении приписных. 9 ноября 1800 г. был подписан указ об уничтожении института приписных. Однако под давлением заводчиков в 1801 г. при Александре I он был отменен.

В положении мастеровых и рабочих людей Урала в последней четверти XVIII в. произошли существенные изменения. Жизненный уровень заводских людей резко снизился. Цены на продовольствие повысились (см. табл. 1).

Заработная плата изменилась незначительно (см. табл. 2).

Резкое ухудшение материально-бытовых условий вызывало неоднократные выступления заводских людей, что и заставило правительство пойти на некоторые уступки. Стремясь сохранить у мастеровых и крестьян иллюзии о том, что якобы царская власть заботится о них, пра-

ТАБЛИЦА 1*

	30-е годы	80-е годы
Пуд ржаной муки	4—5 коп.	46 коп.
» пшеничной муки	10 »	54 »
» мяса	20—30 »	40 »

* Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР, т. I, 1926, стр. 83, 139.

⁵ П. А. Вагина. Волнения на Авзяно-Петровских заводах после крестьянской войны под руководством Пугачева (1775—1781 гг.). Сб. ст. «Из истории Урала», Свердловск, 1960.

⁶ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 171, лл. 10—11.

⁷ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 2966, л. 101.

⁸ Там же, д. 2903, л. 21.

⁹ Там же, д. 2903, л. 28.

¹⁰ В. Н. Бернадский. Движение приписных крестьян в 50—70-х годах XVIII в., 51.

вительство иногда действовало к некоторому ущербу для заводчиков. Так, указом от 15 мая 1785 г. на имя пермского губернатора предписывалось брать с мастеровых за отпускаемый из заводских магазинов хлеб по 20 коп. за пуд, «хотя оный и дороже» покупается¹¹. Но этого

ТАБЛИЦА 2 *

Квалификация рабочих	Сдельная оплата при ковке железа (с пуда)			
	1724 г.	1774—1775 гг.	1797 г.	1807—1809 гг.
Мастер	2 коп.	3 коп.	3 коп.	3 коп.
Подмастерье	8 денежки	1 $\frac{1}{2}$ »	2 »	2 »
Работник	3 полушки	3 $\frac{3}{4}$ »	1 $\frac{1}{4}$ »	1 $\frac{1}{2}$ »

* Ю. И. Гессен. Указ. соч., т. 1, стр. 85, 139; ЦГАДА. Фонд Берг-коллегии (далее: ФБК), 271/4, д. 2238, лл. 340—340 об.; «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.», Свердловск, 1956, стр. 234. Сведения за 1797 и 1807—1809 гг. даны по Кыштымскому заводу, но они характерны для всех заводов Урала. Лишь на единичных заводах мастер получал на $\frac{1}{2}$ коп. больше или на 1 коп. меньше (там же, стр. 240, 246).

хлеба выдавали в малом количестве: в месяц холостым по 2 пуда, женатым — 3 пуда, детям, как и женщинам, полагалось по 1 пуду¹². Даже само горное начальство вынуждено было признать, что этой нормы для прокормления рабочих семей недостаточно. В докладе сенату от 14 мая 1799 г. тайный советник Соймонов по этому поводу говорил следующее: «Пропорция сия на прокормление, конечно, недостаточна и пожирает плату у многих работающих..., так что некоторым за вычетом на хлеб, денег из заработанных в месяц не остается больше 2,3 и 1 $\frac{1}{4}$ коп. на покупку круп, мяса, платья и обуви себе и семейству своему»¹³.

Правительство Павла, обеспокоенное волнениями заводских рабочих, решило в 1799 г. производить вычет за хлеб дифференцированно, в зависимости от заработной платы мастеровых, а именно: с мастеровых 1-го разряда, получающих месячную плату 5—7 руб., брать за ржаную муку по 20 коп. за пуд, с мастеровых 2 разряда, получающих 2—3 руб. в месяц, — вычитать по 10 коп. за пуд, мастеровым 3-го разряда, получающим по 1 руб. в месяц, выдавать хлеб бесплатно¹⁴. Но на практике это указание правительства заводчиками не выполнялось.

Борьба за повышение жизненного уровня и за улучшение условий труда велась мастеровыми повсеместно, на всех заводах и, можно сказать, непрерывно. Однако формы этой борьбы отличались в первую очередь строго легальным характером. Все требования аргументировались соответствующими указами правительства, которые не соблюдались заводской администрацией. Мастеровые выступали в полном сознании своей правоты перед законами. Это вполне понятно — после разгрома восстания 1773—1775 гг. такой путь был едва ли не единственно возможным. В то же время мастеровые стремились разоблачить своекорыстные действия приказчиков, заводской администрации. Несмотря на советы хозяев обращаться с жалобами к ним лично, мастеровые предпочитали обращаться в правительственные учреждения — главным образом в Канцелярию главного заводов правления, в Совестный пермский суд, а иногда в Екатеринбург в земскую контору или к коменданту¹⁵. Чаще всего заводские люди ссылались на указы от 1785 и 1799 гг., предписывающие выдачу мастеровым продовольствия по твердым ценам.

Несмотря на запрет коллективных жалоб, единоличных челобитных в делах не сохранилось — все жалобы подавались «по мирскому согла-

¹¹ ПСЗ, т. XXII, № 16201.

¹² Ю. И. Гессен. Указ. соч., стр. 141.

¹³ ПСЗ, т. XXV, № 1965.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАСО, ф. 72, оп. 2, д. 253.

сию» и за «рукоположением» множества лиц¹⁶. Здесь видно еще влияние крестьянского «мира». Обычно выбирались отдельные лица, которые брались лично вести переговоры с начальством. Разумеется, такие лица проявляли исключительный героизм потому, что всегда именно они подвергались «для устрашения» других суровому наказанию. В дальнейшем мастеровые действовали скопом, являлись толпой к заводской конторе, предъявляли требования, а иногда тоже скопом направлялись вместе со своими выборными к вышестоящему начальству. Так, скопом в 70 человек мастеровые Кыштымских заводов 17 июня 1798 г. пришли в Екатеринбургскую земскую контору с жалобой на приказчиков и управляющего заводами Грубера¹⁷.

Необходимо отметить единодушие среди мастеровых. Они в своих выступлениях активно поддерживали выборных. Когда контора Кыштымского завода арестовала жалобщиков Дорофеева и Казакова, то мастеровые единогласно заявили, что если арестованных отправят на суд, то «оние фабрики запрут, работу остановят и пойдут все за ними»¹⁸. Фактически это была угроза приступить к забастовке. Угроза мастеровых повлияла. Заводская администрация «во избежание вящего от них неурядства» освободила «зачинщиков».

На Полевском заводе летом 1797 г. мастеровые протестовали против тяжелых условий труда прогулами. В мае 1797 г. 68 мастеровых пропустили в общей сложности 179 рабочих дней. Что это было преднамеренным действием мастеровых, явствует из их ответа о причинах прогулов. Они объявили, что не выходили на работу потому, что «из магазина провиант получают в печении хлеба недобротной, и жалование малое»¹⁹. Несмотря на строгий указ 3 июля 1797 г. от Горного начальства, кампания прогулов продолжалась. В августе 1797 г. было пропущено 117 дней, в октябре — 80²⁰. Тогда последовал указ «его императорского величества» от 16 ноября 1797 г., по которому предписывалось мастеровым «прогульные дни зарабатывать в прочее в праздничное и свободное время тягчайшими горными работами.., если и за сим впредь таковые ослушные празднюлюбцы и ленивцы являться будут, то такоуе имеют быть сверх тягчайшой прогульного времени зарботки жестоко и на теле наказаны, а самые огуришки отправляться для усмирения на банковские заводы»²¹. Но и эти суровые меры правительства не остановили борьбу рабочих. Прогулы продолжались. В декабре 1797 г. на том же заводе 35-ю рабочими было пропущено 77 дней, в январе 1798 г. — 84 дня²².

Как видим, мастеровые уже не стремятся освободиться от заводской работы, уже не слышно о бегстве с заводов. Они перешли уже к таким методам протеста, которые могли в более позднее время развиться в формы экономической борьбы рабочего класса.

Перейдем к анализу требований мастеровых. Можно считать, что наиболее злободневным для того времени вопросом являлась проблема, как выполнять те работы, которые раньше падали на приписных крестьян. Как относились мастеровые к протестам со стороны приписных? С одной стороны, они не могли быть особенно довольными: ведь если приписные не выходили на работу, то заводская контора приказывала выполнять эти работы мастеровым «не по мастерству» их. Отсюда волнения мастеровых и отказы выполнять такие работы, с требованием ис-

¹⁶ Там же, оп. 1, д. 229, л. 1.

¹⁷ ЦГАДА, ФБК 271/4, д. 2238, л. 329об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2673, лл. 1, 8.

²⁰ Там же, л. 18об.

²¹ Там же, л. 12.

²² Там же, л. 18об.

пользовать мастеровых «по мастерству». С другой стороны, мастеровым выгодно было прирабатывать на своих лошадях по возке дров и угля. При невыходе приписных заводские конторы имели право нанимать мастеровых, имеющих своих лошадей «какою только можно ценою будет»²³. Разумеется, заводчики старались всю невыполненную приписными работу возложить на мастеровых в качестве добавочной бесплатной нагрузки. Так, например, нижнесергинская заводская контора (где приписных значилось 3975 человек)²⁴ даже установила особую добавочную норму работы для каждой семьи мастеровых, определяемую по числу работников в ней. Мастеровым назначалось вырубить от 10 до 20 сажень дров, сложить в кучи, выжечь на уголь и перевести по 200 коробов угля на своих лошадях²⁵, за эту работу они получали на «пропитание» понемногу ржаной муки.

Мастеровые жаловались, что их привлекают на работы «не по мастерству их» и притом с уменьшением заработка²⁶. Такие жалобы имели место на многих заводах Урала. Наиболее характерны жалобы кыштымских, верхисетских, сылвинских, нижнесергинских рабочих. В 1798 г. мастеровые Сылвинского завода подали в Екатеринбургское начальство жалобу. Они писали, что их заставляют выполнять «дело не принадлежащее до мастеровых». Плата за эту работы была такая малая, что «никто из воли взять не согласиться», — писали мастеровые. Здесь проявляется стремление рабочих работать не по принуждению, а по вольному найму за более высокую оплату. Далее они жаловались, что во время выполнения куренных работ (которые оплачивались сдельно) и двадцатидневного отпуска на сенокос, выплата жалованья прекращается и за выдаваемый хлеб берут не по 20 коп., как по закону, а по 71 коп.²⁷. На Верх-Исетском заводе мастеровые жаловались, что они не приспособлены для работы вне завода — у них нет соответствующего платья²⁸.

Горное начальство вынуждено было в некоторых таких случаях противостоять своеволию заводчиков. В ответ на жалобу мастеровых Сылвинского завода о том, что контора заставляет их возить железо и чугун по плате, установленной заводской конторой, Пермской казенной палатой в 1792 г. было определено, что нанимать местных мастеровых можно только за плату по соглашению и выдавать ее немедленно по исполнении работ²⁹. За работу не по специальности предписывалось выдавать мастерам прежнюю плату, но по возможности не привлекать их на другие работы не по их «мастерству». Относительно подмастерьев и учеников сказано: «быть в поденной работе, где понадобится с оплатою по плакату»³⁰. В этом решении Пермской палаты видна попытка выделить верхушку заводских людей. Льготы даются только мастерам, а не прочим работникам.

Наиболее часто выдвигалось мастеровыми требование о выдаче хлеба по расценке, установленной указом от 15 мая 1785 г. Это постановление правительства заводчиками систематически не выполнялось³¹. Мастеровые требовали выдачи хлеба «генерально как престарелым, так и малолетним безо всякой утайки и не по продажной цене»³².

²³ Там же, д. 2903, л. 28.

²⁴ «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.», сб. док., Свердловск, 1956, стр. 74.

²⁵ ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 317, лл. 7—8.

²⁶ Там же, ф. 72, оп. 2, д. 253, лл. 39—39об.

²⁷ Там же, оп. 1, д. 170, лл. 3—9.

²⁸ Там же, оп. 2, д. 116, л. 3об.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 170, л. 7.

³⁰ Там же, оп. 2, д. 116, лл. 3—4.

³¹ Там же, оп. 1, д. 170, л. 3.

³² Там же, оп. 2, д. 253, л. 3.

Другим острым вопросом был вопрос о праздничных и воскресных днях. Заводская администрация стремилась пустить завод вечером в воскресенье. Мастерские же добивались полного свободного воскресного дня. Уже в 1783 г. молотовые мастера и подмастерья Верх-Исетского завода не пустили в воскресенье молотовые «фабрики» и, как писал приказчик, причинили большой ущерб заводу и монетному двору в Екатеринбурге³³.

5 апреля 1797 г. вышел манифест императора Павла, запрещающий работу по воскресным и праздничным дням³⁴. Правительство и господствующий класс были заинтересованы в сохранении религиозности среди заводского населения, и поэтому заводчикам предписывалось соблюдать указ о воскресном отдыхе³⁵. В отдельных случаях мастерские соглашались на работу по воскресеньям и в праздничные дни, но требовали за это «двойное жалованье»³⁶.

Как известно, тот же манифест 5 апреля 1797 г. содержал требование об ограничении барщины тремя днями в неделю. Безусловно, издавая этот манифест, правительство Павла не имело в виду заводских мастеровых. Но поскольку в большинстве своем работавшие на заводах мастерские и работные люди являлись юридически теми же крепостными крестьянами, обнародование манифеста вызывало на отдельных заводах столкновения с заводской администрацией. Ссылаясь на манифест, заводские люди «вышли из повиновения». Особенно бурные волнения произошли на Кыштымских и Верх-Исетских заводах. В июне 1798 г. крепостные мастерские Кыштымских заводов во главе с молотовыми мастерами Дорофеевым и Казаковым потребовали от приказчика Шипулина зачитать им манифест о трехдневной барщине³⁷. Ограничение обязательной работы на заводе тремя днями в неделю дало бы возможность мастерским в свободные дни работать по соглашению. Кроме того, многие мастерские занимались промыслами, ремеслами и торговлей, и «трехдневная барщина» на заводе несомненно представляла им серьезные выгоды. Следует заметить, что заводское начальство само не совсем ясно представляло, как понимать правительственный манифест, и запросило у Берг-коллегии разъяснения о его применении в отношении к заводским крепостным.

За исключением волнений, связанных с манифестом 1797 г. о трехдневной барщине, все конфликты мастеровых с администрацией касались условий труда и заработной платы. Мастерские Сылвинского завода (в 1798 г.) жаловались на несвоевременную выдачу зарплаты, Верх-Исетского — на низкие расценки сдельной платы и месячного оклада. Особенно резкие выступления, связанные с оплатой труда и нормами выработки, произошли на Кыштымском заводе в 1789 г. Управляющий заводами Грубер ввел повышение нормы выковки железа. Вместо существующих норм в 60 пуд. в неделю, он требовал выковки от 90 до 100 пудов³⁸. Кыштымские мастерские жаловались на произвол при приеме железа, на браковку хорошей продукции³⁹. За бракованное платили в половинном размере, при этом приемщики могли наживаться за свою пользу. Мастерские жаловались и на снижение нормы на выжиг железа⁴⁰.

Выступали мастерские и против произвольных, беспощадных вычетов и штрафов. Особенно большие вычеты производились на Нижне-

³³ Там же, д. 93а, лл. 9—10.

³⁴ ПСЗ, т. 24, № 17909.

³⁵ ГАСО, ф. 729, оп. 1, д. 229, л. 2—2об.

³⁶ Там же, д. 170, л. 3—9.

³⁷ ЦГАДА, ФБК 271/4, д. 2238, л. 330.

³⁸ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 170, л. 2; оп. 2, д. 253, л. 3; ЦГАДА, ФБК 271/4, д. 2238, л. 331об.

³⁹ ЦГАДА, ФБК 271/4, д. 2238, л. 333об.

⁴⁰ Там же, л. 332.

Сергинском заводе. Мастерские этого завода должны были из 11 пудов чугуной крицы выковать 8 пуд. железа, а если «сего количества не выполнится, то взыскивается за пуд того чугуна по 1 рублю»⁴¹. Мастеровые жаловались на чрезмерные вычеты за опоздания. На Кыштымских заводах за опоздание на один час они лишались заработка за «половину дня, а за 2 часа целый день, ежели более, то сверх того наказание»⁴². Верх-Исетские мастерские возбудили особую жалобу «в неопределении обучившихся мастерствам в настоящие звания»⁴³. Подобная система была выгодна администрации, такой порядок был, можно думать, не только на Верх-Исетском заводе.

Мастеровые жаловались, что в отпускное время, когда они заготавливали сено для собственного скота, администрация принуждала их поставлять сено для заводских лошадей, притом за ничтожную плату⁴⁴. Таким образом, заводчик пользовался не только доходами от присвоения прибавочного труда мастеровых, но и феодальной рентой — натуральным взносом за пользование сенокосным участком. Многократно жаловались мастеровые на бесчеловечное обращение со стороны заводских чиновников⁴⁵.

Как мы видим, жалобы охватывали самые различные стороны положения заводских людей. Не было зафиксировано только прямого протеста против основной причины недовольства мастеровых — крепостного права. Но в условиях реакции конца XVIII в. такие требования фактически являлись бы самоубийственными. Все требования мастеровых были строго экономическими, не носили ни малейшего следа политического протеста, который тщательно скрывался под обликом легальности и законности.

Всякое выступление и протест мастеровых считалось «огурством». Заводское начальство раньше всего старалось выявить «зачинщиков» волнения. Их особенно жестоко наказывали. Чаще всего заводская администрация обращалась за помощью в Канцелярию главного заводов правления или даже в Берг-коллегию. В серьезных случаях горное начальство производило расследование дела и, как правило, становилось на сторону заводчиков.

Можно отметить, что в отношении отдельных жалоб мастеровых иногда признавалась законность их требований⁴⁶, но это не избавляло жалобщиков от наказаний. Так, когда мастеровые Нижнесергинских заводов требовали освобождения от работ, не связанных с их квалификацией (от рубки дров, углежжения), то организаторы были нещадно биты плетьюми, конторе же предписано употреблять рабочих «по мастерству их»⁴⁷.

Хотя действия «скопом» и приход 70 кыштымских мастеровых в Екатеринбург считались большим преступлением, но наказали только «зачинщиков» Дорофеева и Казакова. Их били плетьюми и взяли подписку, чтоб «отныне ни под каким видом дерзости более никогда не чинили». Всех остальных отправили на завод с приказанием приступить к работе. Администрации завода предписали за время пребывания мастеровых в Екатеринбурге наказания им «за отлучку не чинить», а «за все то время, сколько они в работе своей не были, в штраф против выдаваемой им за ковку железа на то время платы взыскать и вычесть деньгами в господскую сумму». Мастеровых отправили на завод под наблюдением офицера Яковлева с двумя солдатами. На пропитание им в

⁴¹ ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 317, лл. 8об.—9.

⁴² ЦГАДА, ФБК 271/4, д. 2238, л. 333об.

⁴³ ГАСО, ф. 72, оп. 2, д. 317, л. 13.

⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 170, лл. 3—9.

⁴⁵ Там же, оп. 2, д. 253, л. 39об.

⁴⁶ Там же, д. 170, лл. 3—9.

⁴⁷ ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 317, л. 19.

пути в продолжение 4 дней выдали в счет заводской конторы 26 руб. 80 коп. Как видно, Канцелярия главного заводов правления стремилась всячески замять дело, объявляя, что «учинено было ими сие более из одного лехкомыслия от неведения о том законоположении». Заводской конторе приказывалось быть осторожнее с людьми, «оказывать всякую в рассуждении человечества при том принадлежащих трудов соразмерность», не наряжать на работу по праздникам и воскресеньям⁴⁸. Заводчик Демидов должен был представить в Берг-коллегию объяснение, на основании чего управляющий Грубер ввел повышенные нормы выработки железа и произвольные вычеты за брак. По-видимому, горное начальство серьезно опасалось выступлений мастеровых и требовало от заводской администрации избегать конфликтов. Эта осторожность горного начальства и даже центрального правительства вовсе не означала отхода от основной линии — крепко держать в руках эксплуатируемых. Власть везде оперировала угрозами наказаний и применения военной силы. Правительствующий сенат неоднократно предписывал мастеровым и крестьянам быть «в непрременном господину своему повиновении и на всякое притеснение своих прикащиков или убавки им платы во-первых жаловались бы на их господину своему и ожидали от ево решения, в противном же случае за малейшее их при таковых заводских работах неповиновение наистрожайшим образом они имеют быть телесно наказаны, без всякой уже пощады»⁴⁹.

В последней четверти XVIII в. феодально-крепостнический строй сочетался с новыми — капиталистическими отношениями. В этих условиях классовые противоречия стали наиболее острыми. Мастеровые, будучи по юридическому статусу в большинстве своем крепостными, по положению в производстве, по отношению к средствам производства и форме оплаты необходимого труда приближались к позднейшим рабочим-пролетариям. Чем дальше развивалась заводская горная промышленность, тем ярче чувствовалась разница между приписными, связанными с земледелием, и мастеровыми, живущими в основном на заработную плату от завода. Мастеровые по-прежнему еще не были в основном свободными продавцами рабочей силы. Отношения найма, сильно сократившиеся непосредственно после Крестьянской войны 1773—1775 гг., в конце XVIII в. снова стали развиваться в экономике Уральских заводов. Мастеровые, получавшие заработную плату по твердым окладам, все чаще стремились иметь работу по «вольной цене».

Крепостное право все еще свирепствовало на заводах Урала, но в переходе от забитого крепостного мастерового к сознательному рабочему после Крестьянской войны наступил новый этап. Мастеровые ведут активную борьбу за улучшение своего экономического положения. Экономические формы борьбы укрепляли внутреннюю солидарность и единство заводского населения в борьбе за новые формы труда и социальных отношений.

⁴⁸ ЦГАДА, ФБК 271/4, д. 2238, лл. 335, 341—341об., 342, 342об.

⁴⁹ Там же, л. 342об.